

Векторы региональной инновационной политики: роль общественного участия

В. М. Комаров,
к. э. н., зав. лабораторией
komarov-vm@ranepa.ru

Т. А. Сутырина,
старший научный сотрудник
sutirina@ranepa.ru

**Лаборатория экономики знаний Института прикладных экономических исследований,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

В работе анализируются новейшие теоретические и практические подходы к проведению региональной инновационной политики. Показано, что в настоящее время сохраняют свою актуальность кластерный, системный и эволюционный подходы, при этом все большее распространение получает экосистемный подход к территориальному развитию. На основе проведенного анализа сформулированы выводы для социально-экономической политики регионов и территорий, направленной на реализацию модели интенсивного развития. Показано, что территория все чаще рассматривается как «человеко-ориентированная» экосистема, в которой население выступает не пассивным потребителем, а соавтором реализуемой политики. Поэтому одно из основных направлений региональной политики интенсивного роста — активное внедрение новых управленческих технологий, делающих возможным повышение качества общественного участия, в целях повышения эффективности регулирования и обеспечения в результате более эффективного использования имеющихся ресурсов территории.

Ключевые слова: теории инновационного развития, региональная политика, территория, общественное участие, инновации.

Интенсивный экономический рост

В Основных направлениях деятельности Правительства России на период до 2018 г. (далее — ОНДП) подчеркивается, что потенциал экономического роста в рамках использующейся в последние годы экспортно-сырьевой модели на сегодняшний день исчерпан. Как указывается в ОНДП, новая модель экономического роста должна активировать «новые факторы конкурентоспособности российской экономики, ранее остававшиеся задействованными не в полной мере (уровень образования населения, научный и технологический потенциал)» [21]. Ставка на новые факторы конкурентоспособности, недоиспользованные в рамках текущей модели развития, означает, на наш взгляд, тот факт, что «новая модель роста» должна задействовать в экономике факторы, обеспечивающие интенсивный тип экономического роста. Акцент должен ставиться не на количественном увеличении используемых в экономике ресурсов, а на повышении средней производительности труда, совершенствовании системы управления, внедрении технологических, организационных и других видов инноваций, позволяющих повысить эффективность использования уже задействованных ресурсов.

Такой подход особенно актуален для региональной инновационной политики, проведение которой является ключевым приоритетом региональных властей в последние годы¹. Безусловно, к настоящему времени сложно объективно оценить результативность и достаточность уже принятых мер в области построения инновационной экономики в российских регионах. Однако уже сейчас можно говорить о том, что оно происходило преимущественно по экстенсивному пути. В регионах в большей степени за счет бюджетных средств активно строились объекты инновационной инфраструктуры, обеспечивающие увязку секторов генерации и коммерциализации инноваций, реализовывались проекты территориальных инновационных центров (особые экономические зоны технико-внедренческого типа, инновационные территориальные кластеры и др.). Вплоть до настоящего момента происходит непрерывное создание все новых элементов инфраструк-

¹ В частности, в разделе «Территория инноваций» Стратегии инновационного развития России до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации № 2227-р от 8 декабря 2011 г.) особо подчеркивалась необходимость разработки и реализации инновационных стратегий регионов, а также проектов территориальных инновационных центров, нацеленных на достижение технологического лидерства.

туры, в то время как интерес к эффективности работы существующих элементов довольно низок [1]. Такое внимание к объектам инновационной инфраструктуры несколько обедняет содержание региональной инновационной политики — зачастую строительство новых объектов становится ее целью, а не средством. В ряде случаев это приводит к тому, что в регионах под видом решения задач инновационного развития происходит инфраструктурное обустройство территорий и финансирование текущих хозяйственных нужд. В итоге решение региональных властей о выборе инновационной модели развития принимается только при условии привлечения значительного объема финансирования из федерального бюджета. Этим объясняется, в частности, множество написанных по единому шаблону региональных инновационных стратегий, главная цель создания которых — демонстрация «инновационных» намерений и будущих перспектив регионов, прежде всего, для федерального центра [2].

Не вызывает сомнения, что масштабные федеральные вложения в инновационную инфраструктуру регионов, поддержка регионов-лидеров, запуск проектов инновационных центров — все эти меры представляются необходимыми на первых этапах построения инновационной экономики, когда нужно задать импульс инновационному развитию. Кроме того, сфера инноваций — это сфера высокорисковой деятельности, для запуска которой необходимо создавать избыток стимулов у экономических агентов, в том числе удовлетворить имеющиеся потребности в области инфраструктуры. Однако на следующем этапе реализации региональной инновационной политики на первый план должны выходить факторы интенсивного экономического роста. Такая политика призвана улучшить использование уже имеющихся внутренних региональных ресурсов за счет внедрения лучших деловых и управленческих практик, выстраивания эффективных форматов коммуникации и сотрудничества всех заинтересованных сторон. Для того чтобы предложить некоторые направления современной региональной политики «интенсивного роста» рассмотрим эволюцию основных теоретических подходов к обоснованию и выбору тех или иных инструментов регионального инновационного развития. При этом постараемся выявить подходы, рассматривающие именно потенциал отдельного региона или территории без учета параметров внешней среды (институциональная среда, денежно-кредитная и бюджетная политика и т. п.).

Теоретические подходы к обоснованию региональной инновационной политики

В 2008 г. М. Ларанья, Э. Уараб и К. Фланеган обобщили некоторые современные подходы к проведению научно-технологической и инновационной политики [3] и предложили выделять следующие теоретические обоснования инновационной политики для разных уровней управления (от национального до территориального):

- неоклассические основания государственного вмешательства в инновационную политику (модели экономического роста 1950-х гг.);

- шumpетерианская теория эндогенного роста;
- неомаршаллианский подход (формализация концепции кластеров);
- системный институциональный подход к региональному развитию (концепции инновационных систем);
- эволюционно-структуралистский подход к инновационной политике.

В работе [4] данная классификация была уточнена и была предложена следующая структуризация современных теорий инноваций:

1) неортодоксальные подходы:

- теория инноваций Й. А. Шumpетера;
- современная теория экономических циклов;
- эволюционная экономическая теория Р. Нельсона и У. Уинтера;
- структурно-институциональный подход на микроуровне;
- концепции развития национальных и региональных инновационных систем;
- концепции управления инновациями;

2) ортодоксальные подходы:

- модели эндогенного экономического роста;
- учебные курсы «экономика инноваций» и «экономика науки и технологий».

Взяв предложенные классификации за основу, постараемся проанализировать эволюцию современных подходов к проведению инновационной политики региона и территории с акцентом на новейших концепциях.

Предваряя краткий теоретический обзор, нужно отметить, что пристальное внимание к отдельным регионам и в целом к территориям различного масштаба — относительно новая тенденция в экономической теории. Как известно, территориальный фактор оставался вне рассмотрения неоклассической теории, которая, будучи основанной на совершенной конкуренции и рациональном поведении экономических агентов, постулировала, что в результате действия «невидимой руки рынка» любые экономические различия между регионами внутри страны будут автоматически сглаживаться. Параметр технологий в стандартной модели экономического роста Солоу задавался экзогенно, являясь общественным благом и никак не объясняя дифференциацию развития между отдельными регионами.

Новая теория роста (эндогенная или шumpетерианская теория роста), появившаяся позже с выходом работ П. Ромера и Р. Лукаса, начинает рассматривать технологии, патенты, знания сотрудников в качестве интеллектуального капитала конкретной фирмы [5]. Отсюда делается вывод о том, что знания уже не являются общедоступным ресурсом. Поэтому территориальный фактор имеет значение: у близко расположенных в пространстве фирм больше вероятность обмена знаниями.

Дальнейшим развитием теории эндогенного роста стал неомаршаллианский (кластерный) подход, возникший в 1980-е гг. и акцентирующий внимание на роли положительных внешних эффектов, возникающих при объединении фирм на одной территории. Географическая близость, радикально уменьшая транс-

акционные издержки экономических агентов, связанные с обменом информацией, заключением сделок и т. п., способствует обучению, кооперации, снижению неопределенности и росту доверия. Более того, в рамках кластера организации становятся взаимосвязанными не только географически, но и функционально, дополняя друг друга в производственной цепочке (производственные предприятия, поставщики продукции, смежные образовательные и научные организации, организации сферы сопутствующих услуг и т. п.). Кластерный подход успешно применялся и применяется при проведении региональной инновационной политики во многих странах мира (например, создание «полосов конкурентоспособности» во Франции, создание инновационных территориальных кластеров в России и др.). При этом на сегодняшний день известно несколько моделей пространственной организации инновационных кластеров — начиная от отдельных внутригородских районов («инновационный район» в Бостоне, Инновационный территориальный центр в Томске и др.) и городов-спутников (инновационный центр «Сколково», Иннополис в Татарстане) до пространственно распределенных агломераций (Силиконовая долина, София-Антиполис и др.).

Отметим, что на сегодняшний день кластерная политика, сохраняя свою актуальность, начинает все больше учитывать факторы умного и комфортного города, уделять внимание инновационной среде кластера. Все большую актуальность приобретают стратегии размещения новых кластеров внутри существующих городов — в начале 2000-х гг. появляется модель внутригородского «инновационного района» или «инновационного квартала» («innovation district»), успешно применяемая в Барселоне, Бостоне, Сизтле, Дэтройте и других городах в настоящее время. Преимуществом инновационных кварталов зачастую становится не столько научно-производственная инфраструктура, сколько развитие данных кварталов и окружающей их городской среды по модели «умного города», призванной притягивать и удерживать талантливых специалистов (общественные пространства, архитектурные решения, культурные достопримечательности, современный общественный транспорт и др.) [6]. Не случайно известный глобальный рейтинг инновационных городов мира австралийского агентства «2thinknow» (Innovation Cities Global Index) [20] включает индикаторы, характеризующие уровень развития городской культуры и искусства, показатели развитости пешеходной инфраструктуры и общественных пространств, а также другие характеристики «умного города», способного притягивать таланты со всего мира.

Более общим подходом к региональному развитию, исторически возникшим несколько позднее (примерно в середине 1980-х гг.), можно считать системный институциональный подход или подход инновационных систем (национальных, региональных) [7]. Его особенность состоит в анализе отдельных элементов инновационной системы и выявлении «системного эффекта», при котором в результате интеграции отдельных элементов система получает новые качественные и количественные свойства, отличные от свойств

ее отдельных элементов. Для получения «системного эффекта» делается акцент на создании «правил игры», способствующих эффективной скоординированной работе всех элементов инновационных систем (страны, региона, отдельной территории) — науки и образования, инновационной инфраструктуры, предпринимательства и промышленности, деловой среды и инвестиционного климата и других. Поэтому под «эффективной» инновационной системой понимается не столько развитие отдельных элементов, сколько выстраивание сопутствующих формальных и неформальных правил, обуславливающих системный эффект. Как и кластерный подход, концепции инновационных систем стали уделять самое пристальное внимание регионам и территориям разного масштаба.

Следующим подходом к проведению региональной инновационной политики, заслуживающим отдельного внимания и во многом дополняющим системный подход, можно считать эволюционный подход или современную теорию циклов. Эволюционный подход не сводится к тому, как формальные и неформальные институты обуславливают производство знаний и получение «системного эффекта» и рассматривает проблему экономической динамики более широко. В рамках современной теории циклов акцент ставится на анализе различных стадий инновационного процесса, анализируется совместная эволюция радикальных инноваций и отраслевой структуры экономики. Утверждается, что радикальные инновации ведут не только к изменениям в технологиях, но и меняют «образцы лучшей деловой практики», организационные принципы и т. п. — все то, что необходимо для наиболее эффективного внедрения радикальных инноваций [8, 9]. В работах Р. Нельсона и У. Уинтера [10] по аналогии с теорией естественного отбора изучается последовательный процесс превращения новых организационных практик в обычные рутинные процедуры фирмы (или «рутины», являющиеся аналогом генов в биологической эволюционной теории). Основные выводы эволюционного подхода сводятся к тому, что территориальная политика должна учитывать локальные исторические зависимости, учитывать траектории предшествующего развития и в целом исходить из специфики и возможностей конкретной территории. Поскольку в рамках эволюционного подхода система рассматривается как открытая и стохастическая, предметом исследования становятся не сложные социально-экономические системы больших регионов, развитие которых практически невозможно предсказать, а территории небольшого масштаба — города, городские кварталы и районы. Многие эволюционные идеи стали особенно востребованы в последнее время в урбанистике, с начала 2000-х гг. происходит всеобщее признание вклада городов в региональное инновационное развитие [11]. Города рассматриваются как сообщества знаний, появляются концепции «креативного города» [12] и креативного класса [13]. Подобная переоценка роли города привела, как упоминалось ранее, к обновлению содержания современной кластерной политики.

По нашему мнению, эволюционный подход подготовил почву для возникновения нового взгляда на

региональное развитие: пристальное внимание стало уделяться поиску новых факторов, в том числе нематериальных, культурных, которые обеспечивают притягательность различных территорий, прежде всего городов и городских районов, для творческих людей, объясняют влияние городской среды на формирование человеческого и социального капиталов. Такое понимание территории не исчерпывается наличием исторических памятников или научных учреждений, но включает в себя различные неосознанные факторы притягательности, в том числе сети обмена знаниями и даже открытость городской власти к инициативам со стороны местного населения.

Экосистемный подход к территориальному развитию

На практике не всегда можно четко выделить кластерный, системный или эволюционный подходы, в реальной жизни они, как правило, друг друга взаимно дополняют. Тем не менее можно привести примеры теоретических концепций, в которых была сделана попытка интегрировать данные подходы. К ним, по нашему мнению, можно отнести, например, известную модель тройной спирали, разработанную Г. Ицковицем и Л. Лейдесдорфом [14, 15], в которой анализируется динамическое взаимодействие трех спиралей, образующих национальную инновационную систему — университетов, промышленности и государства [16]. Как отмечает Н. Смородинская, модель тройной спирали появилась «в виде синтеза институциональных воззрений социологов и биологической аналогии» и предлагает «новый механизм консенсуса, способный обеспечить саморазвитие сложных сетевых систем» [17]. Новейшим развитием данной модели является модель «четверной спирали» («Quadruple Helix»), в которой появляется спираль, выражающая влияние общества через СМИ, культуру, механизмы гражданского общества, различные формы общественного участия в управлении территориями, а также модель «пятерной спирали» («Quintuple Helix»), отражающая роль экологии и идеологию устойчивого развития [18]. Модель «четверной спирали» рассматривает общество одновременно как производителя и потребителя знаний и инноваций. В качестве одной из основных характеристик экономики знаний в рамках модели четверной спирали Кэрэйаннис и Кэмпбелл называют главенствующую роль трех видов капитала — человеческого (знания, умения, навыки, здоровье), интеллектуального (совокупность нематериальных активов компаний, обеспечивающих их экономическую конкурентоспособность) и социального (социальные связи, готовность к совместным действиям). По мнению авторов, такая система производства знаний, в которой взаимодействуют люди, технологии и культура, — это ядро зарождающейся в XXI веке «инновационной экосистемы» («innovation ecosystem») [18]. Один из выводов этого подхода — необходимость развития публичных обсуждений и других форм общественного участия в разработке экономической политики для выявления и реализации на практике приоритетных для общества направлений развития территорий. Это

подразумевает, что процесс принятия решений в отношении регионального развития открыт для обратной связи со стороны ключевых заинтересованных сторон, осуществляется сбор и реализация рационализаторских предложений граждан.

Другим новейшим примером экосистемного подхода можно считать так называемый подход к восстановлению и обновлению территории «на основе местных сообществ» («community-based approach»), который рассматривает практики благоустройства поселений, оживления депрессивных территорий, решения локальных социально-экономических задач при активном участии местных сообществ [19]. Население все больше воспринимается как соавтор проводимой территориальной политики, именно местные сообщества позволяют нащупать уникальный путь для развития территорий. При этом в центре внимания модели находится «качество жизни», которое задается не стандартами потребления, а совокупностью различных факторов, важных для определенных групп людей. В числе показателей «качества жизни» предлагается учитывать экологию (качество почвы, воздуха, воды, управление утилизацией и переработкой отходов), степень развития местного сообщества (уровень вовлеченности жителей территории в общественные инициативы, теснота социальных связей) и культурный потенциал (искусство и медиа, наука и технологии, природное и культурное наследие) и др. М. Дикин называет данный подход человеко-ориентированной концепцией восстановления городской среды [19]. Таким образом, на практике потенциал местных сообществ реализуется за счет организации сотрудничества различных заинтересованных сторон при разработке и воплощении в жизнь стратегий, направленных на повышение качества жизни и достижение устойчивого развития.

В целом, по нашему мнению, в представленных подходах акцент делается на среде обитания человека и на возможностях людей формировать эту среду, при этом на первый план выходит идеология устойчивого развития и повышения качества жизни. Поэтому такие подходы можно охарактеризовать как «экосистемные», в них рассматриваются нематериальные активы отдельно взятой уникальной территории, которые формируют «среду обитания» или «экосистему» территории через эффективные форматы участия местных сообществ в формировании своей среды обитания. Стоит отметить, что одним из важнейших стимулов для самоорганизации местных сообществ является возможность дистанционного сотрудничества через социальные сети. Применение инструментов дистанционной совместной работы (краудсорсинга) для развития города выражается в совместном (при участии граждан, общественных организаций, частного сектора и госслужащих) генерировании идей по изменению городского пространства, а также идей по повышению эффективности и прозрачности управления городом. Примерами подобного рода проектов совместных действий является сеульская платформа для сбора идей граждан в области городского развития «Десять миллионов фантазий Oasis» или пензенский форум городских сообществ.

Приведенный краткий анализ современных теоретических обоснований региональной политики позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время сохраняют свою актуальность все традиционные подходы — кластерный, системный и эволюционный. При этом можно заключить, что все большее распространение получает экосистемный подход, который в определенной степени служит обобщением других подходов, поскольку рассматривает факторы регионального развития более широко и комплексно, в том числе вклад различных видов капитала в экономический рост.

Выводы и рекомендации для экономической политики

Представленные теоретические подходы — это попытка осмыслить уже наблюдаемые явления и тенденции в региональном и территориальном развитии ведущих стран мира. Какие можно сделать выводы для российских территорий (субъектов, городов, кварталов и т. п.) в целях реализации в регионах экономической политики интенсивного роста?

Прежде всего, произошло переосмысление самого предмета анализа. Регион, территория все больше рассматривается как сложная, динамическая, многомерная система, где на первый план выходит не физический капитал или природные ресурсы территории, а такие виды капитала как человеческий, социальный, культурный, интеллектуальный, которые и задействуются для решения задачи инновационного развития. Территория все чаще рассматривается как «человеко-ориентированная» экосистема, в которой население выступает не пассивным потребителем, а соавтором реализуемой политики. Все большее значение приобретают вопросы устойчивого, другими словами, не в ущерб будущим поколениям и экологии, развития территории, на первый план выходят проблемы не уровня, а качества жизни. Как было показано, в настоящее время обновился сам подход к проведению кластерной политики — модель производственных и научно-технологических кластеров, где недостаточно внимания уделяется вопросам качества жизни, устаревает. На первый план выходят высокотехнологичные кластеры, подразумевающие реализацию новых транспортных решений, внедрение технологий «умного города», реконструкцию общественных пространств и многие другие направления инновационной политики в сочетании с новейшими подходами в области урбанистики.

В результате подобного переосмысления роли территориального фактора в социально-экономическом и инновационном развитии появляется потребность в «умном» управлении регионами и территориями, предусматривающем более гибкие горизонтальные управленческие формы, больший учет реального спроса населения и факторов, формирующих его «среду обитания» на конкретной территории. «Умное» управление подразумевает не столько использование новых управленческих технологий, сколько комплексный подход, при котором учитывается широкий набор факторов, влияющих на качество жизни. При этом

такое управление территориями предполагает учет потребностей общества, которое выступает ключевой стороной, заинтересованной в региональном развитии, предъявляя спрос на улучшение качества жизни. Инновации при этом понимаются в самом широком смысле — не столько технологические инновации, сколько как улучшения самых разных видов — социальных, управленческих и др., формирующих среду обитания человека и его качество жизни. Отметим, что развитие информационно-коммуникационных технологий, приводит к тому, что общество все активнее приходит на смену университету как основному производителю знаний: к коллективному знанию все чаще обращаются не только бизнес, но и государство (например, известный пример проекта Peer-to-Patent — американский проект государственного патентного бюро по рассмотрению заявок на патенты совместно с открытым интернет-сообществом). Общество как носитель локальных знаний все чаще выходит на первый план при реализации территориальных политик. Поэтому «умное управление» предполагает вовлечение знаний общества в процесс выработки, принятия и мониторинга исполнения решений. Общественное участие может осуществляться в самых разных формах: создаются процедуры обязательного рассмотрения, отбора и реализации предложений граждан региональными властями, в том числе через коммуникационные площадки в интернете (портал «Наш город Москва», «Российская общественная инициатива», инструменты Открытого правительства на региональном и муниципальном уровнях), развиваются механизмы «включенного» (партиципаторного) планирования, получает распространение практика совместного бюджетирования и поддержки органами власти инициатив местных жителей, самообложения и др.

В этих условиях одна из ключевых задач региональных властей — найти способ эффективно вовлечь общество в управление инновационным развитием, задействовав имеющийся человеческий, интеллектуальный и социальный капитал каждой конкретной территории. Местные сообщества как носители уникальных локальных знаний все активнее участвуют в целеполагании политики по преобразованию территорий. Поэтому успешные стратегии и программы развития территорий, реализованные в развитых странах мира, представляют собой не формальные отчеты, а документы «общественного консенсуса». Данные документы, как правило, предполагают не механическое перераспределение бюджетных средств между отдельными статьями, а поиск и поддержку наиболее эффективных с точки зрения общественных потребностей решений. Оптимизация бюджетных расходов происходит за счет выбора лучших из доступных альтернатив вложения средств, другими словами за счет повышения качества регулирования и учета общественных потребностей².

² В качестве примера можно привести программы развития общественного транспорта в странах Европы и введения ограничений на пользование личным автомобильным транспортом, создания общественных пространств, культурно-досуговых площадок и пешеходных зон внутри городов, реализацию экологических и культурных проектов и др.

В целом современное содержание региональной инновационной политики выходит далеко за рамки традиционного взгляда — создания условий для технологических инноваций или развития инновационной инфраструктуры — и подразумевает совместное с активными местными сообществами, в том числе предпринимательскими, создание уникальной экосистемы территории. Подобное широкое понимание территориальной инновационной политики — как поиска и реализации улучшений самых разных видов (социальных, управленческих, культурных), формирующих среду обитания человека и его качество жизни — становится общей тенденцией в развитых странах.

Подводя итог, можно заключить, что одно из основных направлений региональной политики интенсивного роста — активное внедрение новых управленческих технологий, делающих возможным расширение качества общественного участия, в целях повышения эффективности регулирования и обеспечения в результате более эффективного использования имеющихся ресурсов территории.

Список использованных источников

1. Россия: курс на инновации. Открытый экспертно-аналитический отчет о ходе реализации «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.». Вып. I. ОАО «РВК» при содействии Министерства экономического развития РФ. М., 2013. — 125 с.
2. В. В. Рыбалкин, Т. А. Сутырина. Стратегии инновационного развития российских регионов/Под ред. Т. А. Сутыриной. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. — 314 с.
3. M. Laranjaa, E. Uyarrab, K. Flanaganb. Policies for science, technology and innovation: Translating rationales into regional policies in a multi-level setting//Research Policy. 37. 2008. P. 823-835.
4. В. М. Комаров. Основные положения теории инноваций. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. — 190 с.
5. P. Romer. Endogenous Technological Change//Journal of Political Economy. № 98.5. 1991. P. 71-102.
6. B. Katz, J. Wagner. The Rise of Innovation Districts: A New Geography of Innovation in America. Metropolitan Policy Program, Brookings Institute. 2014. — 34 p.
7. B. A. Lundvall. National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. London: Printer Publishers. 1992. — 342 p.
8. К. Перес. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания/Пер. с англ. Ф. В. Маевского. М.: Дело АНХ, 2011. — 231 с.
9. С. Ю. Глазьев. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов//Вопросы экономики. № 3. 2009. С. 26-32.
10. Р. Р. Нельсон, С. Дж. Уинтер. Эволюционная теория экономических изменений/Пер. с англ. М.: Дело, 2002. — 536 с.
11. P. Hall. Cities in Civilization: Culture, Innovation, and Urban Order. London: Phoenix Giant, 1999. — 1169 p.
12. Ч. Лэндри. Креативный город/Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2006. — 399 с.
13. Р. Флорида. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2005. — 430 с.
14. H. Etzkowitz, L. Leydesdorff. The Triple Helix of University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge-Based Economic Development//EASST Review. 14 (1). 1995. P. 11-19.
15. Г. Ицковиц. Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. — 238 с.
16. И. Г. Дежина, В. В. Киселева. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. М.: ИЭПП, 2008. — 227 с.
17. Н. В. Смородинская. Тройная спираль как новая матрица экономических систем//Инновации. № 4. 2011. С. 66-78.
18. E. G. Carayannis, D. F. J. Campbell. Mode 3 Knowledge Production in Quadruple Helix Innovation Systems. 21st-Century Democracy, Innovation, and Entrepreneurship for Development. Springer Briefs in Business. VI. 2012. — 63 p.
19. M. Deakin. A Community-Based Approach to Sustainable Urban Regeneration//Journal of Urban Technology. 16:1 2009. P. 91-112.
20. <http://www.innovation-cities.com/innovation-cities-index-2014-global/8889>.
21. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 г. Утв. Председателем Правительства РФ 31 января 2013 г. С. 5.

Vectors of the regional innovation policy: the importance of public participation

V. M. Komarov, PhD in Economics, Head of the Laboratory of knowledge economy, the Institute of the Applied Economic Research of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

T. A. Sutyryna, Senior Fellow, the Laboratory of knowledge economy, the Institute of the Applied Economic Research of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

The paper analyses emergent theoretical and practical approaches to the regional innovation policy. It shows that cluster, system and evolutionary approaches remain relevant at present, while ecosystem approach to territorial development is gaining ground. Conclusions made on the basis of the analysis refer to the socioeconomic policy of the regions and territories focused on intensive development.

The paper concludes that the territory is increasingly seen as a «people-oriented» ecosystem, where population is not a passive consumer, but a co-author of the implemented regional policy. It shows the role of public participation in the territorial development policy formulation and implementation. Therefore, one of the main directions of the regional policy of intensive growth is active implementation of new management technologies that make it possible to improve the quality of public participation, in order to increase regulation effectiveness and ensure more efficient use of available resources.

Keywords: innovation development theory, regional policy, territory, public participation, innovation.